

**Юлия Борисовна Гиппенрейтер
Алексей Николаевич Рудаков**

ЗАГАДКИ МОРАЛИ ДОШКОЛЬНИКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.922.7

ББК 88.8

Г 50

Гиппенрейтер Ю.Б., Рудаков А.Н.

Г 50 Загадки морали дошкольника / Ю.Б. Гиппенрейтер, А.Н. Рудаков. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 160 с.: [ил.] – (Эмоциональное воспитание детей).

ISBN 978-5-17-139114-0

Дошкольное детство — время, когда закладываются основы нравственности. Первоначально ребенок живет в своем мире, отличном от мира взрослых. Его чувства, фантазии, желания с трудом и далеко не сразу вписываются в рамки ожидаемого поведения, а словесные поучения родителей часто понимаются им удивительно «по-своему».

В книге авторы обсуждают трудности усвоения детьми правил морали. В частности то, как они понимают такие слова как ложь, вина, справедливость. В последней главе рассматриваются варианты действий родителей в проблемных жизненных ситуациях. Авторы подчеркивают важность атмосферы добра принятия и доверия в семье.

УДК 159.922.7

ББК 88.8

ISBN 978-5-17-139114-0

© Гиппенрейтер Ю.Б., текст

© ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспитывая дошкольника, мы мечтаем о том, чтобы он вырос *добрым и порядочным* человеком, чтобы у него были *верные друзья, доброжелательный учитель, заботливый и верный муж или жена, справедливый руководитель, честные партнеры и сотрудники...*

Все перечисленные желания касаются **нравственных** качеств, без которых полноценная жизнь с близкими и более широким кругом людей невозможна.

Конечно, задача воспитания нравственного человека не нова. Начало ее уходит в древние обычаи и традиции народов, ее обсуждение продолжалось в различных религиозных поучениях и заповедях, трудах философов и психологов. Тем не менее конкретный вопрос о том, как воспитывать ребенка, какие качества необходимо в нем развивать, встают заново перед каждым поколением родителей.

Развитию нравственности посвящена наша предыдущая книга «Каким человеком вырастет ваш ребенок?» В настоящее издание включен материал этой книги дополненный и специально переработанный для родителей детей возраста от нуля до семи лет.¹

¹ Мы надеемся, что вместе с ростом вашего ребенка нам удастся подготовить переработанный вариант второй части книги о школьниках до предпубертатного возраста.

Выводы опираются на исследования ученых, в частности, классика детской психологии Жана Пиаже, который открыл особенности развития сознания детей, ранее малопонятные взрослым, родителям и воспитателям.

Работая над книгами, мы постоянно общаемся устно и в переписке с родителями и детьми разного возраста.

Они нам рассказывают о событиях в своей жизни, делятся своими трудностями и переживаниями, а также замечательными находками в решении проблем.¹

Мы приносим сердечную благодарность всем нашим собеседникам, большим и ма-

¹ Мы используем некоторые их рассказы с любезного согласия авторов, конечно, меняя имена и детали.

леньким, без напряженного душевного труда и таланта которых невозможно было бы написать эту книгу!

Ю. Б. Гиппенрейтер

А. Н. Рудаков

Глава 1.

Вместо введения

Мораль и нравственность

Стоит прежде всего уточнить смысл слов, которыми мы будем пользоваться. Словом **мораль** обычно обозначают принятые в обществе **законы, правила или нормы поведения по отношению к другим людям**. Близко к нему по смыслу слово **нравственность**. Но его чаще используют для описания внутренней стороны морали — того, насколько моральные нормы стали **внутренними убеждениями** человека, принципами, которыми он руководствуется в своих действиях. Так, при грубом нарушении норм человека

осуждают за безнравственный поступок. Если нарушение не столь серьезно, касается правил приличия, то говорят о **не-этичном** поведении.

Итак, мы говорим: моральный закон, нравственный человек, этичность поведения. В то же время во многих случаях одно из слов: мораль, нравственность, этика — заменяют на другое, но смысл от этого не сильно меняется.

Мораль — часть человеческой культуры. Заговорив о морали, тут же вспомнили о заповедях. Несмотря на длительную историю, наиболее общими «законами» морали в нашей культуре остаются библейские заповеди. Они перешли в христианство, из него — в общеевропейскую культуру. Стоит заметить, что большинство заповедей содержат в себе частичку

«не», в них декларируются **запреты** на определенные действия. Среди таких запретов: «не убей», «не укради», «не пожелай жены ближнего», «не лжесвидетельствуй». Подразумевается, что нарушение запретов — нравственное падение, а сами такие действия — **зло**. Подобные законы осознаны очень давно и содержатся практически во всех мировых религиях. Наряду с ними существует так называемое золотое правило: **«не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы делали тебе»**, оно сформулировано философами на основании заповедей.

Как запреты, так и смысл золотого правила лежит в основе воспитания ребенка. Мы говорим ему: «Это нельзя!», «Ты же не хочешь, чтобы тебе сделали так же?». Так мы начинаем с небольших эпизодов повседневного быта, однако впереди — долгая

дорога становления ребенка как честного, справедливого, достойного человека.

Первоначальное нравственное развитие ребенка в большой степени зависит от семьи, прежде всего родителей. Они ежедневно заботятся о том, чтобы он учился правильно вести себя, вписываясь в жизнь семьи и других людей. Они что-то ему объясняют, на чем-то настаивают, что-то требуют, и все больше от него ожидают.

То, как ребенок понимает и усваивает поучения, зависит от его возраста и развития. Вместе с тем принципиально важно и то, как ведут себя родители. Ведь их действия становятся первыми образцами, которым ребенок будет следовать в общении с другими людьми!

Глава 2.

*С чего
начинается мораль
в воспитании*

Важные слова

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что **во всех** семьях происходит примерно так: ребенку нет еще и года, а его начинают учить, как хорошо говорить и что делать!

«Здравствуйте..., до свидания, спасибо..., извините..., пожалуйста...» К этим словам мы начинаем приучать малыша. Они очень важные, овладение ими — первые шаги общения с людьми, начало морального воспитания.

У годовалого малыша появление нового человека вызывает настороженность, ино-

гда испуг. Но, сидя на руках у матери? он слышит фразу: «Скажи тете здравствуй», — при этом мама улыбается и ее голос звучит доброжелательно. Он узнает, что чужая тетя — это безопасно. А повторяя слова и интонации матери, учится **приветствовать** другого человека.

Заметим, что в этом «ритуале» приветствия заложено **внимание** и **уважение** к другому человеку. Возможно, ребенок еще не знает, что такое уважение, но он уже снабжен средством — простым словом — которое поможет ему такое чувство позже осознать и передать.

То же можно сказать о словах «до свидания». Смысл фразы передает готовность или надежду снова встретиться, то есть опять **доброжелательное отношение** к тому, с кем ты расстаешься. Заметим, что при за-

мене этого слова на модное «пока-пока!» такой смысл исчезает.

Слова «Извините», «Пожалуйста», «Спасибо» также имеют важные этические смыслы: вежливость, смягчение просьбы, переживание за причиненное неудобство, благодарность, в общем, в них те же признание и уважение другого. Все сказанное знают и интуитивно чувствуют родители, поэтому терпеливо приучают своих детей говорить эти слова.

Первые моральные ограничения

Наряду с вежливыми словами ребенок узнает слово «нельзя».

Бывает, ребенок кусает маму. Маме приходится отстранить его и сказать: «Это нельзя!» Тон и отодвигание значат для ребенка больше, чем слова, но для взрослого — слова, тон и намерение остановить соединены вместе. Все вместе — прямой запрет.

Вполне возможно, действие будет повторяться, и запрещение тоже придется повторять наряду с попытками **отвлечь** малыша. Мама дает погрызть что-то, что

можно, или произносит определенное «нельзя!» чуть с опережением. Через некоторое время ребенку приходится смириться с тем, что любящая и готовая удовлетворять желания мама сопротивляется, и он прекратит попытки кусать ее — усвоит запрет.

Бывает и по-другому — малыш шлепает маму ладошкой по лицу, или норовит ударить ее кубиком. Пусть узнает: «Это нельзя!» — мама отводит лицо, опускает ребенка с рук, и он теряет ее доброе расположение. А колотить ладошкой или кубиком по столу можно. Почему так? С мамой совсем нельзя, а тут сколько угодно можно! Постепенно малыш выучивает такое же «нельзя!» и в отношении бабушки, и брата, другого человека и даже кошки с собакой. Это важное ограничение, и освоить его по силам ребенку в год-полтора.

Иными словами, при воспитании ребенка возникают такие моменты, которые **нельзя пропускать**. Это случаи, когда он делает что-то, что неприятно, мешает или наносит вред **другому человеку**. Он может этого еще не понимать, но мы, взрослые, должны быть особенно внимательны к таким моментам, где возникает необходимость моральных ограничений.

Давай попросим

Маленький ребенок от природы эгоцентрик. Мир вращается вокруг него, и он принимает это как данное, как само собой разумеющееся. Да, в определенном смысле так и есть: поначалу мать все двадцать четыре часа около него и для него. Но мир, а главное, другие люди, другие дети, тоже существуют. У них своя жизнь и свои заботы, которые к нему не имеют отношения. И он должен об этом узнать!

Первоначально «моральные нормы» общения со сверстниками доносятся

простыми словами: «мальчик тоже хочет играть», «ему обидно», «это ведро другой девочки», «мама не только твоя, но братика тоже». Это пока только информация, сообщение знания, обращение внимания. Ребенок постепенно знакомится со словами, и их смысл проясняется самой ситуацией.

Вот малышу два с половиной, он играет в песочнице, тянется к чужой игрушке и ее хватает. Бывает, родителю хочется оправдаться: «мал еще», «не понимает». Но пора помочь ему понимать. «Это Петина машинка — говорит мама — чужое брать нельзя!», — и предлагает выход из положения: «Давай Петю попросим! Скажи Пете: „Можно мне поиграть в твою машинку?“». Не факт, что Петя тут же согласится. Впрочем, это не столь важно, главное, ребенок получил маленький

урок достойного общения с чужими вещами и с другим маленьким человеком. Мама надеется, что мало-помалу сын его усвоит.

Спасибо — ребенку

Взрослый тоже может говорить «спасибо» ребенку, это понятно. Здесь мы хотим отметить, что говорить «спасибо» можно заранее, чтобы с помощью этого волшебного слова показать и свое уважение к ребенку, и свое желание того, чтобы он пошел вам навстречу.

«Садись на стульчик — спасибо», «Давай положим куколку на место — спасибо», — так, по рассказам одной мамы, разговаривали в детском саду с ее двухлетней дочкой. И на удивление сама девочка стала говорить дома: «Мама, я хочу есть, спасибо».

Что еще симпатичного в просьбе или предложении что-то сделать с окончанием «спасибо»? Можно сказать, в такой фразе звучит вера в то, что ребенок это сделает, и поэтому мы скорее получим его доброжелательное согласие. Конечно, поначалу он может не сразу откликнуться, и тогда мать снова повторит тем же тоном, с тем же «спасибо».

Она не сомневается в том, что результат будет, хоть и не с первого раза, и продолжает спокойно и доброжелательно говорить «давай так сделаем, спасибо». При этом невольно улыбается! Удачная внешняя форма влияет не только на ребенка, но и на обращающегося к нему взрослого.

Мы обсудили первые усилия по приучению ребенка к элементарным правилам

морали. Многие родители действуют здесь интуитивно. Их питает любовь и внимание к малышу, чувство, что он еще маленький «несмышлениш». Однако по мере взросления растут силы ребенка и одновременно — проблемы родителей.

Глава 3.

Что дальше?

С 2–3 лет ребенка родителей начинают беспокоить его мелкие непослушания. За день их наберется немало: вот он наелся конфет, хотя совсем нельзя сладкого; сказал неправду; не выполнил обещание; что-то скрыл, заупрямился, нагрубил... Все это раздражает родителя. Включается «воспитательский инстинкт», хочется его тут же исправить, научить, внушить! Доброжелательность, существовавшая в эпоху младенчества, постепенно испаряется, в тоне появляются строгие ноты назидания и осуждения.

А что происходит с ребенком? Как он реагирует? Что усваивает? Признаемся, результат не всегда такой, на который родитель рассчитывает. Порой ребенок удивляет, ставит в тупик. Его оказывается непросто понять.

Обратимся к случаям из жизни.

Непослушание Жаклин

Эту историю описал известный швейцарский ученый, классик детской психологии Жан Пиаже¹. В центре его интересов было умственное развитие детей, и как внимательный исследователь он подмечал важные детали, мимо которых прошли бы многие из нас. В этом случае объектом его наблюдений была его собственная маленькая дочь.

*Когда Жаклин было 2 года
8 месяцев, однажды вече-*

¹ Ниже мы более подробно остановимся на его исследовании морального развития детей.

ром я застал ее в кровати, занятую тем, что она портила белье, вытаскивая одну за другой переплетенные нитки. Мама ей уже не раз говорила, что этого нельзя делать, что она делает большие дыры, и их нельзя зачинить и т. д.

Тогда я сказал Жаклин: «О-о! Но мама будет огорчена!» Жаклин мне ответила со спокойствием и даже плохо скрытой улыбкой: «Да. Будут дыры. Их нельзя зачинить...» и т. д. Я продолжал рассуждать, но она этого совершенно не приняла всерьез.

Не в силах скрыть улыбки, она вдруг бросила мне: «Смейся!» — с такой комической интонацией, что я принялся говорить о другом, чтобы не потерять самообладания. Жаклин, которая очень хорошо понимает свои возможности очарования, заявила мне тогда: «Мой милый папочка», — и история на этом закончилась.

Это не помешало тому, что в понедельник следующим утром Жаклин просыпается очень взволнованная. Ее первые слова относятся к случившему-

ся накануне инциденту:
она думает о белье, про-
сит мать не огорчаться
и т. д. Несмотря на пер-
вую реакцию очарователь-
ного неуважения, мои рас-
суждения, следовательно,
дошли до ее сознания
и вызвали обычные
последствия.

Вечером того же дня
Жаклин **вновь начинает**
вытаскивать нитки из
белья. Ее мать опять по-
вторяет, что этого нель-
зя делать. Жаклин, ка-
жется, внимательно
слушает и ничего не отве-
чает. Мгновение спустя
она зовет нас и начинает

плакать, пока мы не приходим: она просто хочет вновь увидеть своих родителей и убедиться, что мы на нее не сердимся.

В этой истории много примечательного!
Девочка, казалось бы, понимает пожелания

родителей — понимает и не принимает во внимание. Наутро она раскаивается, взволнованно просит маму не огорчаться, однако вечером того же дня снова выдергивает нитки и замечание мамы пропускает мимо ушей!

Как все это объяснить? Значит ли это, что ребенок стал непослушным, перестал уважать родителей? Правильное отношение к событиям отличается от «обыденного», настаивает Пиаже, и с ним вполне согласны современные детские психологи. Приходящие в голову обычному взрослому суждения неверны по ряду пунктов.

Во-первых, слово «понимает» нужно брать в кавычки. Детское понимание не таково, как мы привыкли считать. Это, как мы увидим позже, обнаружилось в исследованиях и самого Пиаже, и многих других

психологов. С возрастом понимание ребенком смысла слов уточняется и обогащается. Только постепенно оно приближается к нашему, «взрослому».

Во-вторых, мы имеем дело с таким возрастом, когда свои «словесные» знания ребенок *еще не способен претворять в действия*. Его поведение спонтанно, подчиняется непосредственным желаниям.

Наконец, малыш живет в мире эмоций. Попадая в «поле» очень интересного предмета, он оказывается настолько им поглощен, что слово «нельзя» вытесняется из его сознания. Оно способно вернуться потом вместе с воспоминанием о запрете мамы и вызвать чувство вины.

Можно ли, зная об этом, сердиться на ребенка, считать, что он «не уважает», «дела-

ет назло»? Нет, малыш находится в таком возрасте, когда нравственные категории: неуважение, злой умысел — к нему вообще неприменимы! Ребенок подчинен потребности осваивать окружающий мир. Девочка ставит, по выражению Пиаже, физический опыт: изучает переплетенные нитки, как они держатся друг за друга, как вынимаются и какие получаются дыры — это все очень важно и интересно! А то, почему дыры — это плохо, и зачем их зашивать, ей, по существу, непонятно и в тот момент не удерживается в сознании. Голова еще маленькая, сразу много в нее не поместишь.

Практически девочка «играет в опыт», а игра, как известно, главное русло развития ребенка в течение всего дошкольного возраста. Она даже приглашает папочку поиграть вместе — он же ее друг! Огорчение мамы отдельно, оно почему-то связано с этой игрой, хотя и неизвестно почему.

А потом ребенок страдает, и не потому, что получаются дыры, а потому, что *мама на него сердится!*

Как же реагировать на подобные случаи псевдонепослушания?

Посмотрим, что делают родители Жаклин — к тому времени уже думающие психологи.

Молодой папа не собирается обижаться или возмущаться. Он не призывает девочку к ответу, не наказывает ее, лишь напоминает о недовольстве мамы.

Мама огорчается, но не сердится. Оба родителя учитывают возраст девочки, проявляют понимание и терпение. Они высказывают свое мнение: «не стоит этого делать», «делать это нехорошо» и «может быть, мама огорчится», но сохраняют доброжелательный тон.

Нарушенное обещание

Чтобы описанный случай с Жаклин не показался чем-то уникальным, расскажем сходную историю. Она основана на событиях, которые нам удалось непосредственно наблюдать. Если в предыдущей истории речь шла о девочке двух с половиной лет, то теперь наша героиня Лена чуть старше — ей около четырех.

*Все происходило на даче
перед Новым годом. Среди
своих новогодних подарков
под елкой Лена обнаружи-*

ла замечательный сундучок. Он был слегка прозрачный, с розовой окантовкой по углам, а внутри него лежали шоколадные медальки в темно-малиновой обертке! Сундучок легко открывался, если нажать на замочек, и прищелкивал, когда его закрывали.

Лена очень любила шоколад, но мама, заботясь о ее здоровье, следила, чтобы Лена много сладкого не ела. После первых Лениных восторгов по поводу красоты сундучка и его содержимого мама позволила ей развернуть

и съест одну медальку,
одновременно предложив
угостить всех присут-
ствующих. Медалек было
много, наверное, штук
тридцать. Лена охотно
раздала всем по медальке,
в сундучке их оставалось
еще много. Мама с Леной
договорились, что с сун-
дучком Лена может
играть — это ее сундучок,
но съедать за день можно
только две медальки, не
больше!
Девочка слушала и утвер-
дительно кивала головой.

Однако на следующий день перед нами
развернулся интересный «жизненный экс-
перимент».

Другим новогодним подарком Лене оказались четыре слоника из редкого темного дерева. Они были разного размера: большой, поменьше и два маленьких. Это семья — сказала Лена и стала их расставлять, комментируя: папа, мама, детишки, кто главный, кто кого слушается, кто с кем дружит.

Лена много и с удовольствием играла со слониками. Они жили на большом обеденном столе рядом с сундучком. Папа-слоник уходил на работу, остальные его провожали... Они

ходили в магазин, укладывались спать... Иногда сундучок открывался и один из слоников совал туда хобот. Это слонику нужно было подкрепиться. Лена приговаривала, что слоны очень любят шоколад, иногда добавляя, что они вообще питаются одним шоколадом. Возможно, в какие-то моменты девочка представляла себя слоником, еще одним ребенком в их семье, они вместе шли на прогулку, а потом обедали.

На третий день в начале общего завтрака Лена достала себе медальку. Ма-

ма это заметила и строго сказала, что медальку можно будет съесть только после каши. Заодно она заглянула в сундучок и ахнула: медалек в нем уменьшилось по крайней мере наполовину! Мама удивленно посмотрела на доч-

ку, однако весь вид Лены показывал, что она тут ни при чем.

Мы, конечно, знали, что шоколадки «съели слоники», но тоже промолчали, потому что тоже были «ни при чем»!

Маме стало ясно, что договоренность о двух медальках в день не работает и нужно принять меры. Нарушив тесную компанию из слоников и сундучка, она взяла сундучок и отставила его далеко на самую середину стола. Леночка громко заплакала и стала требовать его назад. Кто-то из взрослых заметил, что

вид сундучка создает
слишком явный соблазн,
хорошо бы убрать его
«с глаз долой». Мама
так и сделала. Все заня-
лись завтраком, и девоч-
ка, хотя не сразу, все-та-
ки успокоилась.

После завтрака мама уш-
ла, и Лена предприняла
энергичные поиски сундуч-
ка. Были обследованы все
ящички, шкафы, сумки
и сумочки... но безрезульт-
татно. По возвращении
мамы девочка призналась,
что искала сундучок. «Ты
хотела добыть шоколад-
ки?» — спросила мама. —
«Нет, я просто хотела уз-
нать, куда ты его

*спрятала», — ответила
девочка. Тогда мама при-
несла сундучок и просто
поставила его на стол
к слоникам. Девочка снова
стала играть, но что-то
поменялось: никаких
«эксцессов» с медальками
в этот день больше
не было.*

Эта история запомнилась тем, что мы были свидетелями настоящей игры ребенка-дошкольника со всеми характерными чертами: развивающимся сюжетом, ролями «героев» и их сложным взаимодействием. Было также полное погружение девочки в игру с отвлечением от реального мира — его условий и претов.

С Леной случилось то же, что и с Жаклин: во время игры ребенок жил в другом, своем, мире, не имеющем отношения к нашей действительности.

К сказанному добавим, что в душе Лены присутствовал дополнительный повод для ухода в игру: друг с другом столкнулись два противоречивых впечатления — волнующая притягательность медалек и договор с мамой. Заметим, то же было и у Жаклин: очень интересующие ее нитки и предполагаемое недовольство мамы.

Это были ситуации встречи с соблазном — ситуации возбуждения эмоций и душевного напряжения, которые трудны для человека любого возраста. Уход в мир фантазии — это один из известных выходов: для взрослого, признаемся, не самый лучший, но для ребенка 4–6 лет самый естественный и характерный.

А теперь стоит **обратить внимание на поведение мамы.**

Заметим, что мама довольно спокойно повела себя, когда обнаружила пропажу медалек. Она не требовала от Лены суровым тоном объяснить, куда делись шоколадки, не стала «следователем», стремящимся во что бы то ни стало добиться признания. Не стала Лену стыдить или строго наказывать, только убрала от нее предмет искушения.

Маме удалось не поддаться отрицательным эмоциям, она не стала тут же «воспитывать» ребенка, чтобы немедленно его «исправить». Точно так же без обсуждений и условий она доброжелательно вернула сундучок. Великодушный жест мамы был знаком доверия к девочке, надежды на то, что Лена будет соблюдать их договор. И правда, шоколадки больше не убавлялись.

Позволим себе представить или, скорее, догадаться, что происходило в душе Лены, когда мама выполнила ее просьбу. Получив снова сундучок, девочка была обрадована тем, что ее не ругали. Желание сохранить хорошие отношения с мамой, скорее всего, пересилило притягательность шоколадок, позволило девочке поступить так, как хотели взрослые.

Глава 4.

Первые моральные проблемы

(ложь, хитрости, обманы)

Дети любого возраста склонны говорить неправду, скрывать свои поступки, делая что-то недозволенное. Однако психологическая природа и мотивы этих нарушений в разном возрасте различны. Попробуем в этом разобраться. Сопrotивляясь требованиям родителей, малыши 2–4 лет бесхитростно протестуют, не слушаются, уходят, как мы видели, в игру. Однако начиная с 4–5 лет дети пускаются на хитрости, а то и на прямой обман.

Приведем несколько историй на одну и ту же тему — несогласий вокруг еды.

Довольные мыши

Это воспоминание одного взрослого человека, рассказанное в компании.

Помню, когда мне было года четыре-пять, мама меня старательно кормила, заставляла сидеть за столом и съедать все, что было на тарелке. Этого я не любил, ел медленно, особенно когда накладывали кашу.

Однажды я нашел выход из положения. В полу ком-

наты, где мы ели, было небольшое отверстие от выпавшего из доски сучка. Если мама уходила мыть посуду, оставляя меня перед тарелкой, я тихонько вставал и, прислушиваясь к тому, как мама возится на кухне, выкладывал кашу ложку за ложкой в эту дырку.

Как-то однажды я намеревался избавиться от еды, но вдруг снизу до меня донеслись звуки возни, писк и взвизгивания. Совсем близко, у меня под ногами собрались таинственные «подпольные» существа. Я испугался и отскочил.

*Шум, конечно, создавали
мыши, которые жили под
полом. Больше я кашу
в дырку не отправлял.
А моя мама так ничего не
узнала!*

Рассказчик был под влиянием чувств, которые ему тогда пришлось пережить. Риск, страх, волнение и радость отражались на его лице. Смущения и вины среди них не было. Событие переживалось как занятное приключение.

Мальчик понимал: мама будет недовольна, если обнаружит его проделки, однако шел на риск — уж очень противная была каша! Моральной оценки, чувства вины у него не было. Главной заботой было «чтобы мама не узнала». В этом случае мама,

действительно, ничего не узнала. Нетрудно предположить, что она была бы сильно разочарована, вероятно, рассержена.

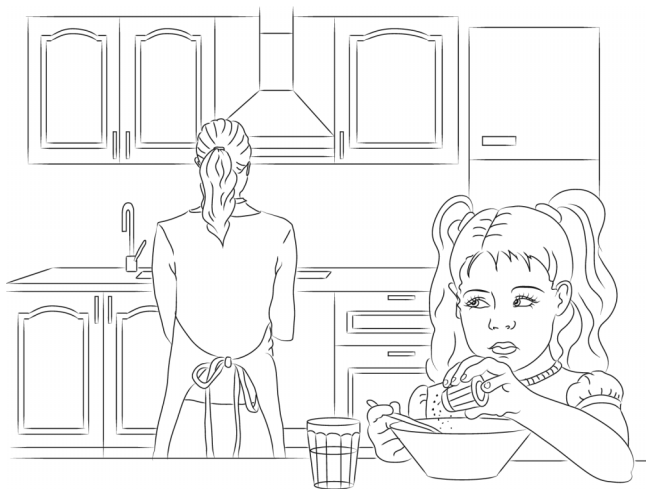
Зато можно было видеть отношение присутствующих взрослых: все улыбались (видимо, переживая и свои проказы!) на остроумную выдумку мальчика, особенно его не осуждая.

Соленая каша

Это похожая история тоже про кашу (конечно, таких «похожих» наберется тысячи!), но с другой «творческой» идеей девочки — теперь, уже в качестве рассказчицы, взрослой пожилой женщины.

*Мне было лет шесть.
Однажды мама насильно
заставляла меня съесть
всю кашу, а она была со-
всем невкусная! Сколько
я ни отказывалась, мама
настаивала — говорила,
что заботится о моем*

здоровье, а я этого не понимаю и не ценю! Я не хотела расстраивать маму, но и кашу есть совсем не хотела! А потом придумала: когда мама отвернулась, взяла солонку, высыпала в кашу много соли и сказала, что не могу есть, потому что она

ужасно соленая. Мама попробовала и удивилась: «Действительно, как я могла ее так пересолить?!» — и отпустила меня гулять, а кашу выбросила за окно курам. Правда, — добавила рассказчица, — мне тогда почти сразу стало немножко то ли жалко маму, то ли стыдно: я маму обманула, а она мне поверила, да еще себя обвинила...

Котлета

Если в предыдущих историях взрослые оставались «за кадром» и мы только догадывались об их чувствах, то в этом рассказе мы сталкиваемся с переживаниями родителя, самой рассказывающей мамы.

Недавно за обедом Таня отказывалась есть второе и требовала конфету. Я объяснила, что сладкое она получит, когда съест второе. Вдруг она говорит: «Мам, а давай я пойду с тарелкой в другую

комнату, включу телевизор, буду смотреть мультик и есть котлету!» Почему нет? Я разрешила. Возвращается назад довольно быстро, показывает пустую тарелку: «Вот, все съела. Давай конфетку!» Я с удовольствием дала.

Но в тот же день, прибирая в комнате, где стоит телевизор, обнаружила нетронутую котлету в мусорной корзине. Оказывается, Таня к ней даже не притронулась! До сих пор не могу прийти в себя! Последнее время она **вообще** стала нас постоянно об-

*манывать, и мы не знаем,
что с этим делать! Пробо-
вали все: объясняли,
упрекали, наказывали —
ничего не помогает!*

Мама была возмущена и обеспокоена тем, что ложь стала для девочки привычным способом поведения. Но, заметим, родители тоже повторялись в своих методах воспитания — продолжали увещевать и наказывать с целью исправления ее «вредной привычки».

В жизни каждого дошкольника случаются эпизоды упрямства, своеволия и непослушания. Родители волнуются, бывают готовы приписать поступки плохому характеру, дурным наклонностям, злым умыслам. Но не стоит торопиться с выводами, а лучше спросить себя: правильно ли мы понимаем

ребенка, который сердится, грубит, лжет? Можно ли всерьез говорить о неморальном поведении дошкольника? Что он понимает в морали?

Этим вопросами занялся уже упоминавшийся нами выше классик детской психологии Жан Пиаже.

Глава 5.

Загадки сознания ребенка

(исследования и открытия
Жана Пиаже)

Пиаже и его сотрудники провели многие сотни часов, беседуя с детьми на темы лжи, обмана, вины, наказаний, справедливости, сочувствия... Возраст детей варьировал от 5 до 12 лет. Сразу стало ясно, что разговаривать на эти темы с детьми младше 5 лет довольно трудно, и их не включили в исследование. Зато дети начиная с пяти-шестилетнего возраста готовы были беседовать на «моральные» темы. У них есть мнение, несколько разное у разных детей, но типичное для каждой возрастной группы и в целом вполне достойное изучения. Далее мы обсудим результаты, полученные у детей в возрасте 5–7 лет¹.

¹ Рассказ о более старшем возрасте — младших и средних школьников — мы продолжим в следующем выпуске

Что такое ложь?

Как обнаружил Пиаже, дети до семи лет не вполне понимают, что значит само слово «ложь». На вопрос: «что такое ложь?» он часто получал ответы: «это слова, которые не надо говорить», «это плохие слова», «гадкие»¹. Дети придерживаются такой позиции при более детальных расспросах.

¹ Отметим, что русский перевод книги Пиаже кажется нам не очень удачным. Например, слово «гадкий» многократно встречается в тексте перевода, и в словах детей, и во фразах профессора, обращенных к детям, хотя часто достаточно сказать «плохой». Мы подправляем в некоторых местах текст перевода.

Вот Пиаже, например беседа с мальчиком Тулом 6 лет.

Начинает профессор.

— Если я говорю кому-нибудь «дурак», это ложь?

— Да.

— Почему?

— Потому что это плохое слово.

— А если он на самом деле дурак, это все равно ложь или нет?

— Да.

— Почему?

— Потому что это гадкое слово.

Здесь, как и в других случаях, ребенка не удивляет слово «ложь», он готов к его использованию в разговоре. Тем не менее он и другие дети этого возраста ассоциируют ложь с ругательными словами, которые им запрещают произносить. Хотя один шести-

летний мальчик сказал, что ложью будет сказать «пять» когда спрашивают, сколько будет дважды два, не соглашаясь назвать это просто ошибкой.

Ученый решает более детально исследовать отношение детей к обману. Фокус исследования меняется, теперь с детьми обсуждают не определение лжи, а более практический вопрос: какой обман хуже?

В одном эксперименте детям рассказывают две истории:

Первая история: маленький мальчик гулял и увидел очень большую собаку, которая его напугала.

Придя домой, он рассказывает маме, что видел со-

баку, большую, как
корова!

*Вторая история: мальчик,
приходит из школы и гово-
рит маме, что учительни-
ца поставила ему хорошие
отметки. Но это неправда:
учительница не ставила
ему никаких отметок —
ни хороших, ни плохих.*

Потом спрашивают: какой из этих двух мальчиков поступил хуже и почему?

Буг (6 лет)

- Тот, кто говорил про корову.
- Почему это хуже?
- Потому что это неправда.
- А тот, который говорил о хороших отметках?
- Он не такой плохой.

— Почему?

— Потому что его мама, возможно, ему поверила; потому что она могла бы поверить этой лжи.

Поразительно! Хуже сказать про «собаку величиной с корову», чем солгать про отметки! Мальчик, конечно, маленький, многое еще плохо понимает, но такого все-таки не ожидаешь. И тем не менее такие ответы повторяются снова и снова. Вот — более развернутый ответ:

Бурд (7 лет)

— Хуже тот, кто сказал, что видел собаку большую, как корова. Это хуже, потому что мама это знала [что это было ложью], тогда как у другого мама не знала. Если дети говорят что-нибудь, что мама не знает, то это не так плохо, потому что мама могла бы в это

поверить. Если же мама знает, что это неправда, — то ложь больше.

Еще обстоятельнее Бурд поясняет в беседе по поводу другой, похожей пары историй.

— То, что она [мама] знает — хуже.

— Почему?

— Потому что, когда она знает, она может ругать сразу, а когда она не знает, то сразу ругать не может...

(Вопрос):

— А когда ребенок оказывается более плохим — когда его ругают сразу или когда его сразу не ругают? Или это одно и то же?

— Он более плохой, когда его ругают сразу.

Мнение Бурда можно понять. Легко представить, что по свежим следам мама будет

более горячо выговаривать ребенку. Он будет чувствовать себя более виноватым, будет дольше переживать. А если пройдет время, то для мамы событие уйдет в прошлое, скроется за другими впечатлениями. Она не будет очень ругать. Определенно, если мама ругает сразу, то хуже, достанется больше.

Пиаже приводит случай из жизни, рассказанный его сотрудницей:

*Одна шестилетняя девочка
соврала в детском саду.
На вопрос воспитательницы,
хорошо это или плохо,
она ответила: «Ничего
страшного! Мама этого
не видит!»*

Девочка придерживается той же позиции: главное, что сейчас мама не видит, не

знает, а потом даже если узнает, то уже сильно ругать не будет — ничего страшного.

Заметим, что у детей постарше ответы меняются. Приведем только один разговор (относительно истории с большой собакой и отметками):

Деп (8 лет 9 мес.)

— Кто хуже?

— Тот, который соврал про учительницу.

— Почему?

— Потому что история с собакой не имеет никакого значения, тогда как история с учительницей рассердила бы его маму.

Дети школьного возраста начинают считать, что первый мальчик, по существу, не врал. Одни объясняют его слова тем, что

«собака была **очень** большой», то есть он просто преувеличил. Другие — тем, что «у него плохо работала голова», третьи — что сказавший про собаку просто «пошутил». И все соглашались, что хуже «когда про учительницу». Их понимание плохого и хорошего стало более правильным, однако нам, взрослым, нельзя ожидать такого от «дошколят»!

Про вину и наказания

Рассуждать о вине, наказании, справедливости скорее считается привилегией взрослых.

Ребенок — что он может сказать о справедливости, много он в этом понимает, подумает иной читатель. Однако Пиаже стал разбираться, как дети ориентируются и в этих непростых «моральных» вопросах. Он снова рассказывает истории и обсуждает их с детьми.

Детали обсуждений и ответы детей 6–7 лет довольно любопытны.

Проводится следующий эксперимент, рассказывают про двух девочек.

1. Жила-была маленькая девочка, которую звали Мари. Она хотела сделать сюрприз своей маме и скроить ей платье. Но поскольку она не умела как следует обращаться с ножницами, то сделала большую дыру в своем платье.

2. Маленькая девочка, которую звали Маргарита, как-то раз, когда ее мама ушла, разыскала ножницы мамы. Она забавлялась некоторое время с этими ножницами, и так как не умела с ними как следует

обращаться, то сделала
небольшую дырку в своем
платье.

Заметим, в первом случае есть явное намерение сделать *приятное* маме, а дыра получилась *нечаянно*, хоть и большая. Во втором — хорошего намерения нет, более того, девочка воспользовалась отсутствием мамы и скорее всего делала *то, что ей не позволялось*. Зато дыра на платье во втором случае получилась меньше, чем в первом.

В этих и похожих историях Пиаже соединяет *положительное намерение* и *отрицательный результат*.

Его интересует, насколько при оценке детьми случившегося важно намерение девочки: похвальное оно было или не очень.

Как вы уже догадались, детей спрашивают: Какая из девочек лучше? Или — какая хуже?

Жео (6 лет)

— Первая хотела оказать маме услугу и сделала в своем платье большую дырку. Вторая забавлялась и сделала маленькую дырку. Какая из этих девочек хуже?

— Та, которая хотела оказать услугу, хуже, потому что она сделала большую дырку. Мама ее ругала.

Конст (7 лет)

— Та, которая сделала маленькую дырочку, лучше.

— Если бы ты была мамой и увидела, что они сделали, какую бы ты наказала больше?

— Ту, которая сделала большую дырку.

Ученый на всякий случай переспрашивает девочку:

— Какую ты наказала бы меньше?

— Ту, которая сделала маленькую дырочку.

— А что бы сказала та, которая сделала большую дырку, когда ты ее наказала бы больше?

— Она сказала бы: «Я хотела сделать сюрприз».

— А другая?

— Она играла.

— Которую надо наказать больше?

— Ту, которая сделала большую дырку.

Ребенок твердо стоит на своем, это не случайное мнение, не оговорка. То же обнаруживается и в других пробах.

Вот рассказывают две истории про чашки:

1. Маленький мальчик, которого зовут Жан, находится в своей комнате. Его зовут обедать. Он входит в столовую. Но позади двери стоит стул. На стуле поднос и на этом подносе — пятнадцать чашек. Жан не мог знать, что все это было за дверью. Он входит: дверь толкает поднос, и — трах — и пятнадцать чашек разбиты.

2. Жил-был маленький мальчик, которого звали Анри. Однажды, когда его

матери не было дома, он захотел взять из буфета варенье. Он встал на стул и протянул руку. Но варенье было слишком высоко, и он не мог до него дотянуться. Пытаясь его достать, он зацепил чашку. Чашка упала и разбилась.

То есть в первой истории 15 чашек были разбиты *нечаянно*, во второй — мальчик разбил только одну чашку, но *доставая варенье без спроса*, всем ясно, что это делать не положено.

Приведем мнения маленьких детей о том, кто хуже¹.

¹ Далее приводятся по очереди слова профессора и мальчика.

Жео (6 лет)

— Один из них более плохой, чем другой?

— Первый, потому что он уронил пятнадцать чашек.

— Если бы ты был папой, кого бы ты наказал больше?

— Того, который разбил пятнадцать чашек.

Шма (6 лет)

— Они плохие оба, эти мальчики, или не одинаково плохие?

— Оба одинаково плохие.

— Ты бы их наказал одинаково?

— Нет. Больше — того, кто разбил пятнадцать чашек.

Конст (7 лет)

— Кого из них ты наказала бы больше, если бы была мамой?

- Того, кто разбил много чашек.
- Он более гадкий?
- Да.

Обнаруживается, что в оценке действий других дети 5–7 лет не учитывают их **намерений**. Неожиданно для нас, взрослых, они считают более важными последствия случившегося! Причем главное событие — причиненный «материальный ущерб». Именно он определяет степень вины и возможное наказание.

Шести-семилетки о справедливости

Удивительным образом, дети шести — семи лет не считают слово «справедливо» непонятным. Они не задают взрослому вопроса: «Справедливость — а что это такое?» Они уверены, что понимают, о чем речь, хотя на самом деле понимают не совсем так, как взрослые. Это ярко проявилось при беседах с ними. Например, была рассказана следующая история:

*Как-то раз два мальчика
воровали в саду яблоки.
Вдруг приходит сторож,*

*и оба мальчика спасаются
бегством. Одного ловят.
Другой же, возвращаясь
к себе окольным путем, пе-
реходит речку по плохому
мостику и падает в воду.*

Са (6 лет)¹

— Что ты думаешь об этом?

— Тот, которого поймали, попал
в тюрьму, а другой утонул.

— Это справедливо?

— Да.

— Почему?

— Потому что он не слушался.

— А если бы слушался, он бы не
упал в воду?

— Нет, потому что послушные не
падают.

Пел (7 лет)

— Что ты думаешь об этом?

— Это справедливо. Так ему и надо.

— Почему?

— Потому что он не должен был воровать.

— А если бы он не воровал, он упал бы в воду?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он не поступил бы плохо.

— Почему же он упал?

— Это произошло, чтобы он был наказан.

Оба ребенка считают, что герой истории был наказан, потому что не слушался и поступил плохо. И это — справедливо! Даже мостик участвует в том, чтобы убежавший от сторожа получил «по заслугам». А те

дети, которые слушаются родителей, не падают с мостика — это тоже справедливо, иначе и быть не может. Это как в сказке, все заодно — и лес, и птицы, и мышки, и мостик — все помогают доброму герою и мешают плохому.

А вот что считают дети по поводу другой истории:

Мама каталась со своими детьми в небольшой лодке по озеру. В четыре часа она дала каждому по булочке. Но один из мальчиков «дурил» на краю лодки. Он склонился над водой и уронил свою булочку. Что нужно было делать: не давать ему больше булочки или каждый из

*детей должен был дать
ему по кусочку от своей
булочки?*

Ва (6,5 лет)

— Не нужно ему больше давать, потому что он уронил ее.

Шма (7 лет)

— Незачем было дурить на лодке. Это научит его на следующий раз.

— Тогда что же нужно было делать?

— Не делиться.

— А если бы мама сказала поделиться?

— Нужно было бы послушаться.

— Но это было бы справедливо или нет?

— Справедливо, потому что надо слушаться свою маму.

Заметим, Шма не только считает, что надо слушаться маму. Его позиция: **то, что мама скажет, будет справедливо** — это же мама!

Одно и то же проявляется при беседах с шести-семилетними: почти все дети этого возраста считают, что родители **говорят и действуют справедливо**, на их решение можно положиться. В этом выражается удивительное мнение маленьких детей о величии, всезнании и всемогуществе родителей.

Дети постарше в этом начинают сомневаться, приведем только одну беседу по поводу той же булочки с девочкой на два года старше.

Жюн (девочка, 9 лет)

— Делиться не нужно, потому что это его вина.

— А его братья решили поделиться.
Это справедливо?

— Я не знаю.

— Это по-доброму? Это благородно?

— Да, это по-доброму.

— Справедливо или благородно?

— Больше благородно, чем справедливо.

— А если бы мама сказала поделиться. Это справедливо?

— Тогда это было бы справедливо.

Заметим, Жюн не осуждает братьев, которые решили поделиться, более того, она соглашается, что это по-доброму и благородно. В то же время, чтобы признать такое действие справедливым, ей нужно подтверждение «значимого взрослого» — мамы.

Итоги и выводы из открытий Ж. Пиаже

Как мы видели, Ж. Пиаже обнаружил в моральном развитии сознания ребенка особый период, который он назвал **«стадией словесной морали»**. Он продолжается вплоть до 6–8-летнего возраста, когда появляются ростки **истинной** морали. Описание первой стадии и ее свойств является важным достижением ученого. Вот ее черты:

- дети воспринимают родителей как несомненный авторитет, их требования и наказания считают безоговорочно справедливыми;

- моральные слова взрослых понимают упрощенно, неполно и часто искаженно;
- свои «плохие» действия дети оценивают по тому, насколько рассердился родитель;
- в моральных оценках дети ориентируются на внешний результат, не учитывая внутренних намерений.

Итак, приблизительно до 7-летнего возраста представления о морали у детей обнаруживают интересные и удивительные особенности. Ребенок уже знает моральные слова, помнит наставления родителей, не подвергает их сомнению, но плохо понимает их. Главный ориентир в понимании того, что хорошо или плохо — реакция родителя. Действия ребенка порой расходится со словами. Например, ложь — «плохо», но соврать можно, «если мама не узна-

ет!». Удивляет то, что подобные суждения повторяют все дети, которые находятся на данной стадии!

Как же понять эти факты? С одной стороны, они свидетельства общего процесса развития сознания ребенка, осознания себя, своих действий и окружающего мира вообще¹. С другой стороны, возникает мысль об участии в формировании этих феноменов самих родителей, их воспитательных усилий.

Заметим, позиция взрослого по отношению к ребенку вынужденно несимметрична. Родитель опытный и сильный, ребенок охотно слушает его, безусловно верит его словам, берет с него пример. Это законо-

¹ Этот процесс сложный и долгий, продолжается вплоть до совершеннолетия — и разговор о нем далеко выходит за пределы нашей книги.

мерно и в природе вещей! **Подражание** и **послушание** — важные естественные механизмы обучения и усвоения опыта.

Вместе с тем постепенно растет самостоятельная активность ребенка. Он все больше стремится сам действовать, наблюдать, думать, короче, проявлять собственную волю. Эта тенденция встречается с противоположной родительской привычкой указывать, учить, руководить! Маленькому ребенку такое руководство было полезно и даже необходимо, но теперь возникают конфликты.

Давление — и ложь

Признаемся, в наших семьях «средний» малыш испытывает родительское давление по многим поводам. Часто оно связано с едой — недаром несколько наших примеров касались этой темы. В других случаях это завышенные ожидания. Одни родители хотят, чтобы ребенок в год уже просился на горшок, в два — безропотно ходил в детский сад, в три — помогал с младшей сестрой. Другие прикладывают все усилия, чтобы к 3 годам он научился читать и считать (ведь «потом уже поздно!»), а в 5–6 лет складывал и вычитал в пределах десятка, а то и нескольких (иначе как поступить в престижную школу?!).

Встречаясь с принуждением родителей, дети теряют надежду быть услышанными в своих отказах и ищут обходные пути, чтобы «выживать». Разные уловки и обманы могут становиться для них способом борьбы «с противником», где противником оказывается требовательный родитель.

Выговоры и наказания только усиливают ощущение непонимания. Тогда ребенок начинает изобретать новые уловки, можно сказать, упражняться в хитрости, что никак не способствует развитию моральных качеств: честности, правдивости, доверия и уважения к родителю¹.

¹ Исследования показали, что обманы у детей чаще всего случаются в тех семьях, где родители жестко настаивают на своих требованиях и не принимают во внимание отказы ребенка.

Для исправления ситуаций «борьбы с ребенком» стоит оглянуться на себя, присмотреться к своим ожиданиям: не слишком ли велик их список и не слишком ли категоричны требования? Может быть, некоторые лучше ослабить, а что-то отменить совсем?

Некоторые родители так и делают. Например, не считают необходимым раннее обучение чтению с 3–4 лет. Отметим в скобках, они абсолютно правы: исследования доказали, что дети с ранним обучением не опережают в последующие годы тех, которые научились читать в 6–7 лет.

Подчеркнем, что меньше всего родители готовы отказаться от своих команд и давления на ребенка по поводу того, как **следует себя вести**. Есть готовые законы, правила, и мнения ребенка на эту тему никто не спрашивает! Он должен просто слушать и выполнять, а не размышлять.

До поры до времени (теперь мы знаем, до 7–8 лет) он так и делает: верит, «плохо, потому что так говорит мама», «мама сердится, значит, я виноват!». А что, если она *очень* сердится, потому что порвал *дорогие* штаны, хоть и *нечаянно*? Но вот папа тоже говорит: «безобразие, надо наказать!» Значит, я *очень* провинился — заключает ребенок. Ему трудно разобраться в сцеплениях всех событий и обстоятельств, а такие эмоциональные реакции родителей уж совсем не помогают.

Итак, в ответах дошкольников мы слышим отзвук голоса взрослого, который продолжает удерживать право судить и наказывать, да еще не всегда сдерживая свои эмоции.

В результате, по мнению Пиаже, элементы **авторитарного стиля** воспитания не только не способствуют моральному развитию ребенка, но и **тормозят его**.

Как же помочь ребенку развиваться дальше, не застревая на стадии словесной морали¹ ?

Пиаже считает, и все мыслящие авторы с ним соглашаются, что **развитию истинной морали способствуют понимание ребенка и установление с ним отношений сотрудничества, доверия и уважения.**

¹ Следы словесной морали могут сохраняться, как мы хорошо знаем, и у взрослых. Они сказываются в подчеркнутой заботе о «приличиях» как главном средстве социального выживания. В крайнем выражении такое развитие приводит, по словам Пиаже, к «узко ограниченной личности, в которой морализм подавляет человечность».

Глава 6.

Воспитывать с пониманием

Они еще не большие

В течение всего дошкольного детства расширяется и развивается сознание детей. В то же время родителям не стоит поддаваться искушению и думать: «Он уже большой, должен все понимать». Особенно там, где речь идет о моральных понятиях и правилах.

Повторять ребенку правило и считать, что он «понял» и будет его выполнять, очень наивно. Исследования Пиаже ярко показывают, что от словесных поучений нельзя ожидать многого. В «практику» жизни ребенка они войдут очень нескоро, и только при благоприятных условиях.

Что же это такое — «благоприятные условия»? Что родителям нужно делать еще или «вместо»? Как развивать в ребенке добрые чувства, «прививать» честность, чувства справедливости и уважения, приучать заботиться о других? Конечно, это можно делать только **через общение с ним** при условии понимания его мира. Доброжелательные беседы, совместные игры, обсуждение непонятных вопросов и новых впечатлений расширяют и углубляют его способности чувствовать себя и других.

Разговор, беседы

Начиная с трех лет дети живо интересуются героями из сказок и мультфильмов, сочувствуют хорошим, осуждают плохих, бывают рады поделиться своими переживаниями с родителями. Мир фантазий и сказок очень близок детям в 3–4 года, усвоение добра и понимания на примерах из этого мира очень нужно детям, этот источник невозможно недооценивать. Приобретенное таким образом остается в душе ребенка надолго, может вдохновлять его и в позднем детстве, и в юности. Воспитание чувств начинается здесь, нравственных чувств тоже!

Ключики доверия

Мы видели, что добрые слова и доброжелательный контакт с малышами важнее строгих правил. Вспомним действия родителей девочек Жаклин и Лены, о которых мы рассказывали выше.

В обоих случаях родители сохраняли положительное отношение, проявляли понимание. Они не «нажимали» в своих требованиях, не ругали детей за случившиеся «отклонения». Верили, что их доброе отношение неминуемо скажется.

Так и случалось, дети откликнулись в меру своих возможностей.

Взаимное доверие — огромная ценность. Разрушив доверие детей, родители теряют ключик к их внутреннему миру, к их душе. В этом отношении каждому из нас стоит быть осторожными в «воспитательных действиях». Они никогда не должны оставлять в душе ребенка горькое чувство несправедливости!

Нужно ли наказывать?

Мы хорошо знаем, что детям бывает не-легко выполнять наши требования и гово-рять правду, признаваться, когда они их нарушили. Отношение к сокрытию и даже обману очень зависит от строгости родите-лей, их готовности сурово осуждать — или, наоборот, строить доверительную близость с ребенком.

Чем меньше ребенок, тем спокойнее должна быть наша реакция на его «про-ступок». Совсем маленькому стоит просто напомнить, сказать: «так делать не надо», «это нехорошо». А по мере взросления ре-

акция, конечно, будет усложняться. Главное — не нужно торопиться с выговором и наказанием. Лучше поговорить, послушать, что именно он переживал, когда делал «не то», почему боялся признаться, сожалеет ли теперь... В такой беседе вы можете сказать, что понимаете его трудность. В то же время можно высказать свое огорчение, напомнить правило, объяснить, почему оно важно.

Оглядываемся на себя

Возможно, мы рискуем надоесть читателю, говоря, что при обучении ребенка моральному поведению надо самому быть примером. Нужно оглядываться на себя, вести себя этично и достойно.

По определению, моральный человек — это тот, кто считается с интересами и чувствами другого. Но ведь и на своего ребенка можно посмотреть как на «другого», то есть сказать себе: он не просто «мой ребенок», он одновременно и «другой человек»! Тогда следующий шаг — спросить

себя: когда я его воспитываю, то действую морально или не очень? Признаемся, такой вопрос далеко не всегда возникает в сознании взрослого.

Возьмем для примера ситуацию, когда приходится преодолевать нежелание ребенка что-то сделать. Он сопротивляется, потому что ему неудобно, или трудно, или он не понимает зачем. От того, как мы ведем себя в таких мелких или более крупных «нестыковках», зависит очень многое. Дело в том, что в этих случаях мы показываем ребенку **на практике**, что значит быть деликатным, учитывать чувство другого — или не обращать на него внимания, не принимать в расчет.

Давайте представим себе спектр всех возможных реакций на нежелание выполнить нашу просьбу.

- повторная просьба
- уговоры
- настаивание
- требование
- принуждение
- насилие
- наказание (в том числе, к сожалению, физическое)

Критический вопрос: насколько легко вы движетесь по этой лестнице вниз — от доброжелательности к тирании, где останавливаетесь?

А если останавливаетесь, то:

- Какие мысли и знания и принципы помогают вам остановиться?
- Какое поведение тогда усвоит ваш ребенок?
- Что принесет он в свою семью?

Вспомним, что сотрудничество лучше принуждения. Когда вы прислушиваетесь к ребенку, он больше готов принимать и вашу мораль, и этические ценности.

Глава 7.

Как быть, когда...

В этом последнем разделе — назовем его **практическим** — мы хотим вместе с читателями обсудить моральные вопросы и трудности, которые возникают у родителей и детей в обыденных жизненных ситуациях. Какие варианты решений в них возможны и, более того, желательны?

Все ситуации реальные или близкие к ним.

Драгоценный камушек

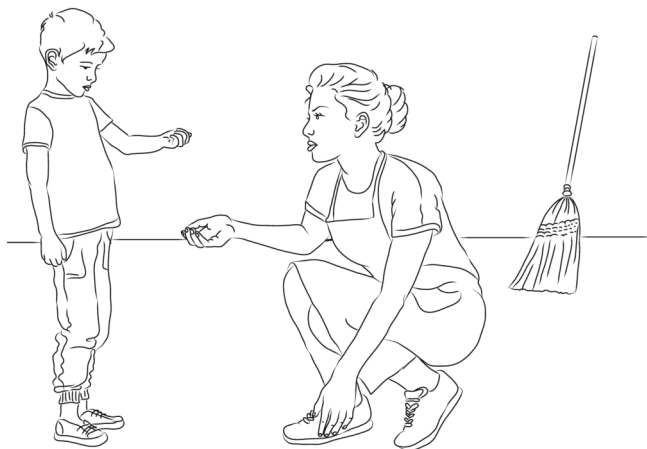
Вечером в доме были гости, а утром на полу пятилетний Сережа увидел яркий переливающийся на свету камушек — такой, какие вставляют в брошки.

«Ой, мама! — воскликнул Сережа — какой красивый камушек! Как мне повезло! Я положу его в свои сокровища, и он будет главным

моим богатством!»
«Подожди-подожди, —
сказала мама, — наверное,
он выпал из украшения
кого-нибудь из наших го-
стей. Дай-ка его мне, я се-
годня всем позвоню
и спрошу».
«Нет, не дам! — восклик-
нул мальчик — Он мой!
Ведь это я его нашел!»

Как быть маме, камешек отдать надо, он, несомненно, выпал из чьей-то брошки или браслета. Не вернуть его невозможно. Кажется бы, надо забрать и все, чего тут раздумывать! Но как быть с уважением к переживаниям ребенка? Нужно ли подумать о его состоянии, его чувствах? О том, как он перенесет безоговорочное требование отдать камушек? Может быть, стоит поговорить, объяснить?

Специалисты по деловым переговорам советуют для начала признать претензии другой «команды», найти правоту в ее позиции. Если применить этот совет здесь, то с какими словами мальчика вы могли бы тут же согласиться? Прежде всего, с тем, что камушек замечательный, просто сокровище! Ведь легко понять эти чувства ребенка, разделить его удивление и радость. Нужно ли потратить на это время, как вы думаете?

А потом останется самое трудное — пригласить ребенка посочувствовать той тете, которая потеряла такой необыкновенный камушек! Наверное, сейчас она очень огорчается, может быть, даже сидит и плачет.

Направить внимание ребенка на то, как может переживать другой человек, посочувствовать ему, вместе подумать, как ему помочь, — это очень нужные шаги в воспитании добрых чувств и нравственного поведения детей.

Снял ли шапку

Серезжа ходит в первый класс, а его брат Никита в пятый. По утрам ребята уходят в школу вместе, она у них недалеко. Однажды Никита заспорил с мамой — не хотел надевать шапку: «зачем, уже весна, и все ребята ходят без шапок!» Но мама ничего слушать не хотела и настояла на своем. Однако, выйдя на улицу,

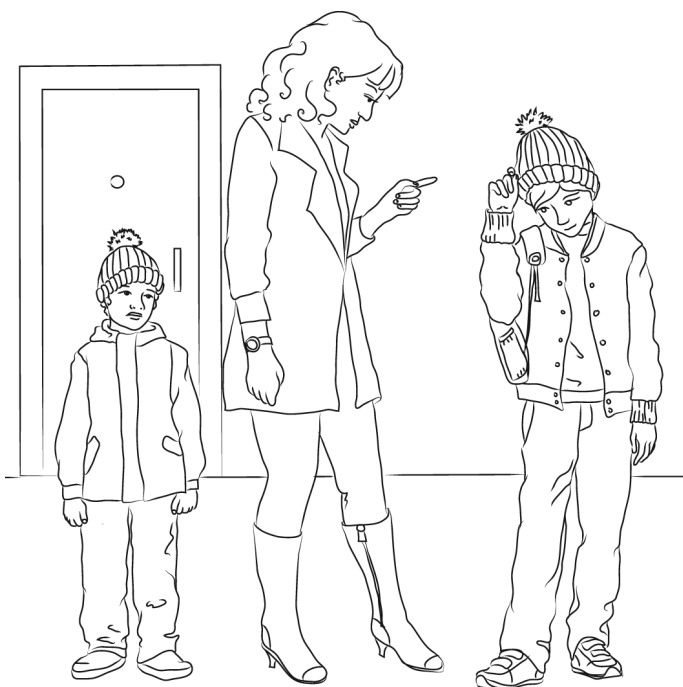
Никита шапку снял и сунул в карман. Сережа это видел.

Дома за обедом мама спросила младшего: «Никита на улице шапку, случайно, не снимал?»

Довольно ясно, что мамин вопрос мог поставить Сережу в сложное положение. По существу, он должен сказать правду, но это будет означать наябедничать на брата. А встать на сторону брата и соврать — это «плохо». Сколько раз Сережа слышал: «Запомни, врать нельзя!»

Случилось так, что наивный Сережа, веря в слова мамы «никогда не врать, говорить только правду!», рассказал, как было дело. Мама рассердилась и наказала Никиту, а тот, гневно взглянув на Сережу,

прошипел: «Предатель!» Для Сережи это было ударом: он уже знаком с чувством детской «солидарности», к тому же любит брата, а тот теперь больше с ним не будет водиться!

Так родители иногда, не подумав, ставят ребенка в положение «невозможного» выбора и толкают его на поступок, который оставляет в его душе след сожаления, вины, внутреннего неблагополучия. Возникает сомнение, правильно ли они поступают?

На наш взгляд, здесь они должны обратить взгляд на себя. В угоду якобы выявления истины, проступка ребенка они толкают другого ребенка на доносительство и, строго говоря, поступают безнравственно!

Читает под одеялом

Эта история на ту же тему, но с другим поворотом дела.

*Сестры 5 и 9 лет спят
в одной комнате. Мама
следит за режимом
и выключает свет
в 9 часов: обе девочки
должны спать! Обычно
младшая в это время
готова уснуть, а старшая
засыпает не сразу,
ей еще хочется полежать,
подумать.*

Однажды, когда мама погасила свет и закрыла дверь, старшая взяла свой мобильник из тумбочки (что не полагалось!) и решила под одеялом чуть-чуть посмотреть мультик. Она увлеклась, долго не могла оторваться, а младшая слышала звуки веселых песенок и не могла заснуть.

Утром мама спросила: «Как вы спали, надеюсь, заснули сразу?» Она посмотрела на заспанную младшую, взглянула на старшую и увидела, что та смутилась. Мама заподозрила неладное, но не стала тут же «рассле-

довать». Позже она поговорила со старшей девочкой наедине.

«Тебе, наверное, не всегда удастся уснуть», — предположила она. Девочка охотно согласилась и прибавила, что да, она некоторое время еще ворочается, о чем-то думает, мечтает... Мама терпеливо и доброжелательно слушала. В какой-то момент девочка призналась, что ей иногда приходит в голову взять телефончик и чуть-чуть что-нибудь посмотреть — ведь она никому не мешает, младшая уже спит!

— Наверное, — осторожно предположила мать, — что-то в этом роде случилось вчера, а то твоя сестра сегодня выглядела какой-то невыспавшейся.

— Да, — со смущением и некоторым облегчением призналась девочка, — я просто долго не могла оторваться от мультика, а там были громкие песенки.

Не будем описывать дальше этот разговор. Он может развиваться многими разными путями. Подчеркнем лишь несколько успешных моментов в поведении мамы. Прежде всего, она внимательно присмотрелась к девочкам, подметила их состояние, заподозрила какое-то нарушение, но не стала тут же рас-

спрашивать «с пристрастием», а проявила деликатность — решила лично поговорить со старшей. Она активно послушала ее, что, как известно, приводит к более доверительному тону отношений¹. В конце концов мама и дочка смогли договориться об изменении правила одновременно лечь обеим девочкам. И в самом деле, почему бы старшей не дать возможность тихо почитать еще полчаса?

К сожалению, родители часто излишне строго настаивают на своих мнениях и правилах, не считаясь с тем, как они «вписываются» в потребности ребенка, соответствуют ли его возрасту, отношениям, его чувствам, справедливости...

Можно было бы коротко заключить: сначала понять ребенка и только потом вспомнить о правиле!

¹ См. книгу Ю. Б. Гиппенрейтер «Чудеса активного слушания».

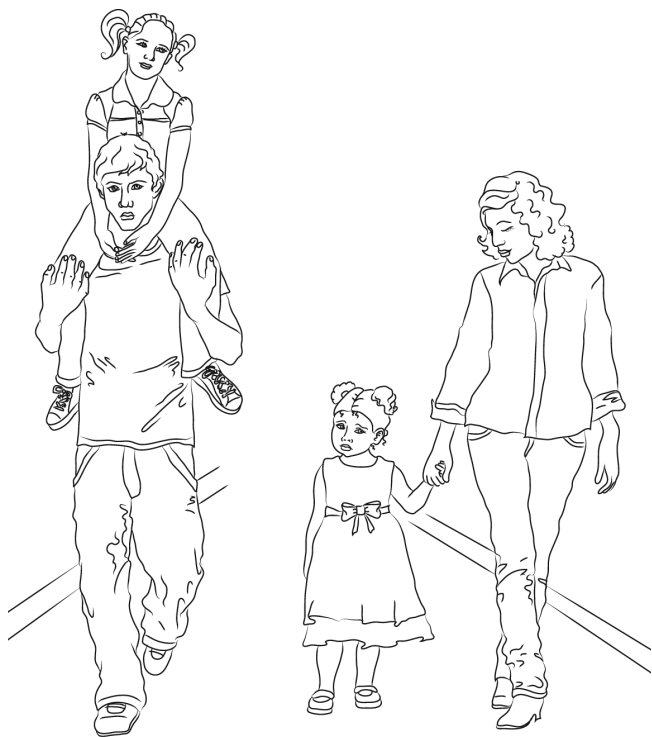
Маленькая или нет

*Мама, папа и две дочери
шли по улице. Пятилет-
няя Маша устала, и папа
посадил ее на плечи. До-
вольно скоро старшая
11-летняя Соня стала
просить: «И меня тоже
посади, я тоже хочу!»*

*«Ну куда тебе, ты уже не
маленькая!» — сказала
мама. — «Нет, малень-*

кая!» — упрямо ответила старшая, и добрый папа подставил ей свои плечи. Соня взгромоздилась, вид получился странный: большая длинноногая девочка на шее у папы, а тот медленно идет, согнувшись. Мама на это посмотрела, но уже ничего не сказала.

Скоро папа устал и вернул дочку на землю. Уже потом, когда дети не слышали, он сказал маме:
«Ты зря ее критиковала, ведь она и правда еще маленькая!»

К этой короткой сценке возникает сразу несколько интересных вопросов.

- Почему старшая Соня попросилась на плечи к папе?

- Это хорошо, что папа посадил ее на шею?
- Почему мама возражала? Она была права или нет?
- Было ли удачным ее замечание дочке?
- Одинаково ли думают о воспитании детей папа и мама?
- Поступил ли папа правильно, пытаясь поговорить с мамой наедине?

Приведем ответы одной читательницы:

Скорее всего, старшая позавидовала младшей и тоже захотела получить внимание папы. Похоже, она привыкла пользоваться его добротой. Такое нередко случается между папой и дочкой. Видно, что у мамы более строгий подход, она против всякого баловства. Судя по всему, папа считает, что родители должны разрешать

свои противоречия без детей, и мама с ним согласилась.

В заключение вопрос: стоило ли папе сажать старшую себе на шею — или он мог показать каким-то другим образом, что понимает переживания девочки? Если да, то как?

Промочила ноги

Мама и пятилетняя Катя вышли во двор. Мама увидела соседку на лавочке, села к ней побеседовать, а Кате сказала погулять вокруг, не отходить далеко. В углу двора был каток, который уже начал таять, и мама не велела Кате заходить на каток, чтобы не промочить ноги. Катя подошла к катку, увидела лед — он так за-

манчиво поблескивал и казался совсем крепким! Она решила попробовать, ступила на лед, он треснул, и ноги Кати провалились в воду. Девочка не удержала равновесие и упала. Намокло все: и ботинки, и штаны, и куртка! Пришлось бежать к маме. Услышав ее шаги, мама повернулась и ахнула! Она схватила Катю за руку и потащила домой, по дороге приговаривая: «Почему ты не послушалась?! Я же тебе говорила! Почему надо тысячу раз повторять — и все равно без толку! Просто наказание эта девчонка! Будешь

*теперь дома сидеть без гу-
ляния!»*

Давайте для интереса представим дру-
гую маму с другой реакцией на случив-
шееся.

*...Услышав ее шаги, мама
повернулась и ахнула!
«Господи, — воскликнула
она — скорее домой!» —
схватила Катю за руку,
и они побежали. По дороге
мама говорила:
«Ты не удержалась и по-
шла посмотреть на ка-
ток, а потом захотела
проверить лед — и он про-
валился! Что ж, бывает...
Жаль, что меня не послу-
шалась. Теперь скорее в го-*

*рячую ванну! Придется
посидеть дома, ботинки
не сразу высохнут, других
ведь нет...»*

Мы видим двух мам: назовем их «строгая» — и «понимающая».

Конечно, обе пекутся о здоровье и безопасности девочки, каждая поспешила домой, чтобы ребенок не простудился. Однако они вели себя по-разному.

У «строгой» первое «Ах!» сменилось мыслью: **«Меня не послушалась!»** — это вызвало привычное раздражение, и по дороге домой она дала волю своим чувствам.

Наоборот, у «понимающей» мамы первый «шок» сменился **мыслями о девочке**. Она представила, как та «загулялась», оказалась у катка и соблазнилась попробовать лед.

Каждому взрослому нетрудно представить себе «забывчивость» любопытного ребенка. Маме было также легко понять, что Катя испугалась, когда упала и вся вымокла. Поэтому она не стала ругать девочку, хорошо зная, что даже при небольшой «беде» взрослому необходимо сохранить спокойствие, войти в положение и чувства ребенка, принять срочные меры. Только потом можно поговорить о непослушании, нарушении запрета. Доброжелательный тон здесь важен. Он уменьшает страх получить выговор и освобождает сознание ребенка для собственных выводов.

«Знаешь, мама, — сказала, сидя в ванной, Катя, — я теперь знаю, что тонкий лед лучше пробовать палкой, а не ногами!»

День рождения брата

*Был день рождения Миши,
ему исполнилось 10 лет.*

*С утра его поздравили ро-
дители и подарили новый
чудесный велосипед!*

*Потом звонили бабушки-
дедушки, тети-дяди,
и тоже поздравляли. По-
том стали приходить го-
сти и Мишины друзья. Бы-
ло много подарков,
угощение, ребята шумно
и весело играли! Миша ра-*

довался и чувствовал
себя героем!

В какой-то момент его
пятилетняя сестра Таня
вдруг расплакалась,
и сквозь слезы сказала:
«Все Миша да Миша, а я...
а мне..!»

Как отреагировала мама? Хотя она знала, что есть обычай дарить «утешительный подарок» другому ребенку в день рождения брата или сестры, но с самого начала не захотела это делать.

Считала, что Таня и так слишком избалована, привыкла получать от родителей много внимания, быть «главнее» Миши. Она строго сказала дочке: «постыдись, не будь эгоисткой!» — и отошла от нее. В ответ девочка заплакала еще громче и сильнее.

Мама опасается, как бы из Тани не выросла эгоистка (это особый вопрос: как получилось, что девочка стала капризной — кто приложил к этому руку?), и решает принять **крутые меры**.

Зададимся вопросом: поняла ли Таня из слов матери, что такое эгоист, и захотела

ли она перестать им быть? Вопрос, конечно, иронический: то и другое нереально! Но можно попытаться представить, что **почувствовала** Таня. Наверное, что-то из такого набора: «меня мама не любит», «я виновата», «мама злая», «я плохая», «и все кругом плохие!».

Повторим тот же вопрос, что и в предыдущей истории: как иначе повела бы себя понимающая и доброжелательная мама? Она могла посадить девочку себе на колени и побеседовать. Может быть, спросить какие подарки она хотела бы получить на свой день рождения, поговорить о том, как важен для Миши день рождения, как хорошо всей семьей радоваться, когда у кого-то день рождения...

Не будем продолжать гипотетический рассказ, а лучше обратимся к реальной

истории, в которой увидим сложность внутренних переживаний ребенка, динамику его чувств и поведения в ответ на доброжелательное понимание родителя.

Крик, слезы и помощь

Столкновения с детьми происходят по разным поводам. Не всегда понятно, в чем дело, но то, как поведут себя взрослые, остается принципиально важным. Приведем письмо одной мамы.

*По горячим следам опишу
вам ситуацию, которая
произошла сегодня после со-
вместной прогулки. Участ-
ники я, мой брат Виктор,
Петя — его сын (11 лет),
Катя — его дочь (6 лет)
и моя дочка Соня (5 лет).*

Едем обратно, Катя в машине начинает капризничать, задирать брата Петю, грубить Соне. В момент, когда Петя до нее случайно дотронулся, сильно кричит, бьет его и стучит ногами по панели кондиционера так, что даже пластик панели трескается.

Виктор спокойно говорит:
— Хватит ломать мою машину, прекрати сейчас же.

И после паузы добавляет:
— Придется отвезти тебя домой.

(Имеется в виду к маме.
Родители живут раздель-

но, дети приехали на несколько дней к папе.)

У Кати начинается истерика, кипит агрессия, злость. Она громко кричит:

— Чтоб вы все сдохли, ненавижу вас всех!

Виктор и все молчат. Потом она кричит:

— Никогда, никогда больше к тебе не приеду!

На что Виктор отвечает:

— Мне горько это слышать, — и добавляет: — Я буду грустить без тебя. Катя продолжает реветь.

Минут через пять она произносит:

— Может, и приеду, а может, и нет. И мне плевать, что ты грустишь!

Виктор ей говорит:

— Я буду ждать тебя, когда ты решишь приехать, и скучать очень-очень.

Катя продолжает плакать, и постепенно плач меняется с истерически-агрессивного на трагический. Она вдруг говорит:

— Я знаю, что я тебе дороже, чем машина. Я приеду к тебе, я не справлюсь без тебя.

Было удивительно наблюдать все это. Наверно, Катя услышала свои слова,

что никогда не приедет,
испугалась и уже плакала
от горя разлуки.

Потом мы подъехали
к торговому центру, оста-
новились. Плач уже затих,
они с папой обнялись
и вместе пошли
в магазин.

После этого ребенка как
подменили, нежная, ласко-
вая, заботливая, послуш-
ная. Перемена чувств Ка-
ти была очень
заметна — от гнева
и страха к спокойствию
и уверенности, что тебя
любят и принимают. Па-
па Виктор удивительным
образом позволил всему

случиться, он не оскорблял, не унижал, а только присутствовал рядом и говорил, что он чувствует.

Мы видим, как в довольно трудной ситуации отец начинает традиционно, требуя от дочки успокоиться. Однако, когда это не срабатывает, он не переходит к борьбе с ребенком, не использует ничего из обычного «педагогического инструментария». Он ведет себя спокойно, достойно и, главное, — **понимающе!** Поразительно, как ему удастся «погасить» гневные чувства девочки своими спокойными ответами, в каждом из которых сквозит любовь к ней, понимание ее состояния, уверенность, что она хорошая добрая девочка, просто ей сейчас очень трудно. Когда ре-

бенок чувствует такое понимание и принятие родителем, он открывает навстречу свою душу!

Как тут не вспомнить легенду старинную легенду о Ветре и Солнце.

*Ветер и Солнце поспорили,
кто быстрее заставит
Человека раздеться. Ветер
сказал: «Конечно, я!» Он
собрал свои силы и начал
дуть все сильнее и сильнее.
Но Человек только плот-
нее запахивал свою шубу.
Разозлился ветер, задул
еще сильнее, устроил це-
лую бурю! Но чем больше
он свирепел, тем больше
Человек кутался в свои
одежды.*

«А теперь моя очередь», —
сказало Солнце. Оно вы-
шло из-за тучки и пригре-
ло все вокруг. Человеку
стало тепло и уютно —
и он разделся!

Пожелания родителям

В заключение нашего обсуждения, может быть, вам стоит записать на память:

- Не реагируйте на поступок ребенка «автоматически», быстро и затверженно! Остановите себя, обратите внимание на него, на то, что он чувствует. Попробуйте представить его переживания.
- Важен словесный контакт с ребенком. Проговорите, какие эмоции, по-вашему, его охватили и что чувствуете вы сами. Это помогает не выходить из себя, не впадать в конфликт.

- Ваше спокойствие и доброжелательность очень важны именно в трудные моменты. Не поддавайтесь гневу или страху, эти эмоции мешают оценить происходящее и действовать разумно.
- Помните, ваш ребенок хороший, только иногда ему трудно жить и справляться с собой. Помогите ему, и он будет вас еще больше уважать и любить.

Мы верим, что все это доступно нам, взрослым!

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Вместо введения	7
Мораль и нравственность	9
Глава 2. С чего начинается мораль в воспитании	13
Важные слова	15
Первые моральные ограничения	18
Давай попросим	21
Спасибо — ребенку	24
Глава 3. Что дальше?	27
Непослушание Жаклин	30
Нарушенное обещание.	39
Глава 4. Первые моральные проблемы (ложь, хитрости, обманы)	51
Довольные мыши	54

Соленая каша	58
Котлета	61

Глава 5. Загадки сознания ребенка

(исследования и открытия Жана Пиаже)	65
Что такое ложь?	68
Про вину и наказания	77
Шести-семилетки о справедливости.	87
Итоги и выводы из открытий Ж. Пиаже	94
Давление — и ложь	98
Глава 6. Воспитывать с пониманием.	103
Они еще не большие	105
Разговор, беседы	107
Ключики доверия	108
Нужно ли наказывать?	110
Оглядываемся на себя	112

Глава 7. Как быть, когда...

Драгоценный камушек.	120
Снял ли шапку.	124
Читает под одеялом.	128
Маленькая или нет	133
Промочила ноги.	138
День рождения брата	143
Крик, слезы и помощь	148

Пожелания родителям	156
-------------------------------	-----

Издание для досуга
демалысқа арналған баспа
Серия «Эмоциональное воспитание детей»

12+

**Юлия Борисовна Гиппенрейтер
Алексей Николаевич Рудаков
ЗАГАДКИ МОРАЛИ ДОШКОЛЬНИКА**

Редактор О. Максимова
Дизайнер обложки А. Якунина
Технический редактор М. Караматозян
Верстальщик Л. Быкова

Подписано в печать 29.09.2021. Формат 70х108/32 Усл. Печ. л. 7
Печать офсетная. Гарнитура CharterITC. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2021 г.
Оригинал-макет подготовлен редакцией «Времена», импринт «Альфа»
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, комн. 705, пом. I, этаж 7
Наш электронный адрес: WWW.AST.RU
Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз : www.ast.ru; E-mail: astpub@aha.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий в
Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында наразылықтарды қабылдау
бойынша өкіл - «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz Тауар белгісі: «АСТ»
Өндірілген жылы: 2021
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Сертификация қарастырылмаған